

ПУШКИН И Е. М. ХИТРОВО

Санктпетербургские пушкинисты выпустили замечательное издание вновь найденных писем Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, иначе Хитровой, дочери фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, светлейшего князя Смоленского (библиографическую заметку об этом издании см. ниже).

Елизавета Михайловна, родившаяся в 1783 г., вышла замуж за графа Ф. И. Тизенгаузена, павшего при Аустерлице, и затем вторично за генерал-майора Н. Ф. Хитрово(а), который умер в 1819 г. русским поверенным в делах во Флоренции. От брака с Тизенгаузеном у Елизаветы Михайловны были две дочери, погодки: Екатерина, родившаяся в 1803 г., оставшаяся незамужней и в глубокой старости скончавшаяся в СПб. в 1888 году, и Дарья, родившаяся в 1804 г. вышедшая замуж за австрийского генерала и дипломата французского (лотарингского) происхождения, графа Фикельмона, который был последовательно австрийским посланником в Швеции, Тоскане, обеих Сицилиях и, наконец, послом в России, где он оставался до 1839 г. с тем, чтобы стать ближайшим помощником Меттерниха, а затем в бурный революционный 1848 год, на короткое время, его преемником. После этого возвышения, Фикельмон удалился от дел и в 1857 г. 80 лет скончался в Венеции. Пять-шесть лет спустя скончалась гр. Дарья Федоровна (Фердинандовна).

В переписке Д. Ф. Фикельмон и ее мужа с графиней Е. Ф. Тизенгаузен первая пишет второй:

22 октября 1840 г.: « Je voudrais avoir une gravure

de Pouchkine en souvenir de l'affection que maman avait pour lui (я хотела бы иметь гравированный портрет Пушкина, на память о привязанности мамы к нему) » и 3 декабря 1842 г.: « On m'a montré hier le portrait de Pouchkine, il m'a fort attendrie, en me rappelant toute son histoire, l'intérêt que maman y a pris et comme elle aimait Pouchkine (Мне вчера показали портрет Пушкина, он меня сильно растрогал, так как напомнил всю его историю, то участие, которое проявляла к ней мама и как она любила Пушкина) ». (Ср. « Lettres du Comte et de la Comtesse de Fiquelmont à la Comtesse Tiesenhausen », publiées par Comte F. de Sonis. Paris 1911, pp. 7, 37).

Итак, по свидетельству ее дочерей, овдовевшая в 1819 году и скончавшаяся в 1839 г. Елизавета Михайловна Хитрово любила Пушкина.

Елизавета Михайловна любила Пушкина, как женщина, ценила его, как великого поэта, почитала, как русскую славу. Со стороны Пушкина это чувство не встречало полного ответа. Известно, что он относился заведомо иронически к обожанию, которым его дарила Елизавета Михайловна, бывшая его старше на 16 лет. Ироническое отношение Пушкина и его друзей к Е. М. Хитрово и ее влюбленности доходило до издевок. Но в то же время Пушкин все-таки как-то, и высоко, ценил дружбу этой образованной, умной и доброй русской женщины.

Вновь открытые письма Пушкина к Е. М. Хитрово не разъясняют до конца их чисто личных отношений. Но если в таких вопросах интимной биографии великих людей есть место внутреннему проникновению в прикровенный смысл внешних отношений, то, мне думается, самое естественное решение этого вопроса пушкинской биографии вот каково. Е. М. Хитрово любила Пушкина, как женщина. Пушкин до своей женитьбы временами терпел эту любовь, и между ними существовало то, что называется «связью» — связь

хрупкая и обидно-неравная, как любовь, и в общем прочная и привлекательно-равная, как дружба. Именно так я толкую недатированные письма Пушкина к Елизавете Михайловне, быть может, самые ранние по времени, но напечатанные на последнем месте в издании Пушкинского Дома Академии Наук. Приведу их полностью во французском оригинале (все письма Пушкина к Е. М. Хитрово написаны по-французски) и русском переводе:

Mon Dieu, Madame, en disant des phrases en l'air, je n'ai jamais songé à des allusions inconvenantes. Mais voilà comme vous êtes toutes et voilà pourquoi les femmes comme il faut et les grands sentiments sont ce que je crains le plus au monde. Vive les grisettes. C'est bien plus court et bien plus commode. — Si je ne viens pas chez vous, c'est que je suis très occupé, que je ne puis m'absenter que tard, que j'ai mille personnes que je dois voir et que je ne vois pas.

Voulez vous que je vous parle bien franchement? Peut-être suis je élégant et comme il faut dans mes écrits; mais mon cœur est tout vulgaire et mes inclinations toutes tiers-état. Je suis soul d'intrigues, de sentiments, de correspondances etc., etc. J'ai le malheur d'avoir une liaison avec une personne d'esprit, malade et passionnée qui me fait enrager, quoique je l'aime de tout mon cœur. En voilà bien assez pour mes soucis et surtout pour mon temperament.

Ma franchise ne vous fachera pas? Pardonnez moi donc des phrases qui n'ont pas le sens commun et qui surtout ne vous regardent en aucune manière.

(Боже мой, бросая слова на ветер, я никогда не помышлял о неуместных намеках. Но вот ка-

ковы все вы, и вот почему я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки, — это и гораздо короче, и гораздо удобнее. Если я не прихожу к Вам, так это оттого, что я очень занят и могу выходить из дому лишь весьма поздно. Мне нужно было бы видеть тысячу людей, а между тем я их не вижу.

Хотите ли вы, чтобы я говорил с Вами откровенно? Быть может, я изящен и вполне порядочен в моих писаниях, но мое сердце совсем вульгарно, и все наклонности у меня вполне меццанские. Я пресытился интригами, чувствами, перепиской и т. д. и т. д. Я имею несчастье быть в связи с особой, умной, болезненной и страстной, которая доводит меня до бешенства, хотя я и люблю ее всем сердцем. Этого более, чем достаточно для моих забот и особенно для моего темперамента. Вас ведь не рассердит моя откровенность? Не так ли?

Простите же мне слова, которые не имели никакого значения и никоим образом не относились к Вам.)

Я думаю, что та «liaison», связь, о которой говорится в первом из этих писем, есть именно связь между Пушкиным и Е. М. Хитровой самой. Именно потому, что эта связь была все-таки серьезна хотя и неравноценна для каждого из участников, Пушкин в своем письме говорит о ней как бы со стороны, и, может быть, все его письма к Хитрово в эпоху самой связи, т. е. до сближения с Гончаровой, были намеренно написаны так, чтобы распознать из них смысл и содержание их отношений было невозможно. Весьма понятно, что интимную сторону своих отношений к Хитрово Пушкин сознательно затушевывал и скрывал. Второе из указываемых мной писем вполне согласуется с таким толкованием. Вот оно:

D'où diable prenez vous, que je sois fâché? mais j'ai des embarras par dessus la tête. — Pardonnez mon laconisme et mon style de jacobin.

Mercredi.

(Откуда, чорт возьми, Вы взяли, что я рассердился? Но у меня хлопот выше головы. Простите мой лаконизм и мой якобинский слог.

Среда.)

Мое истолкование смысла цитированного выше письма № XXVI сборника и объяснение отношений между Пушкиным и Хитрово совсем расходится с тем, которое дает Н. В. Измайлов в большой статье «Пушкин и Е. М. Хитрово» в приложении к сборнику «Писем» (стр. 184).

Конечно, Пушкин был внутренне искренен в отношении Е. М. Хитрово: между ними было неравенство не только возрастов, но и чувств. Права была и А. П. Керн, отмечавшая «равнодушие», в котором признавался ей Пушкин в отношении женщины, «которая его обожала». Керн имела тут очевидно в виду Е. М. Хитрово. Она воспринимала вообще отношение Пушкина к женщинам «как слишком невысокое понятие о женщине». Но в формы напускного пренебрежения к *grands sentiments*, «большим чувствам», и демонстративного предпочтения гризеток порядочным женщинам, — у Пушкина выливалось, мне кажется, необыкновенно острое ощущение неравенства в чувстве между ним и Хитрово, того неравенства, которое представляло и психологические, и бытовые неудобства; ощущая их, Пушкин ссылался на то, что он *tiers-état* (мещанин) и *bonhomme* (добрый малый). Указание Пушкина на связь с «особой болезненной и страстной, которая его бесит, хотя он и любит ее всем сердцем», указание, которое я отношу к самой Е. М. Хитрово и толкую в смысле полушутливой откровен-

ности с женщиной-другом, в него влюбленной, Н. И. Измайлов расшифровывает как иносказание: тут имеется в виду не женщина, но Муза поэта, «которой он служит, — творчество, мучительное для него и любимое им». Это толкование до последней степени натянуто; другое объяснение дает В. В. Вересаев, указывая на А. Ф. Закревскую, на связь с которой будто бы намекает Пушкин в своем письме к Е. М. Хитрово.

Пушкину было в пору его первой встречи с Хитрово приблизительно столько же лет, сколько Гете, когда он познакомился с г-жей Штейн. Но Гете был влюблен в Штейн (хотя она была старше его на семь лет), а Пушкин к Хитрово, как к женщине, был равнодушен. И в Пушкине совсем не было ни той сентиментальности, через которую прошел «великий старец», ни той величественности, которая недаром вознесла Гете до тайного советника и министра. Вот почему связь Пушкина с самой доброй, живой, образованной и вдохновенной женщиной, которую он встретил в своей жизни, была так непохожа на одиннадцатилетний роман Гете с самой значительной и содержательной женщиной, которую он знал. Но и Е. М. Хитрово, эта, по отношению к Пушкину, по ее собственному признанию, «кроткая, безобидная и покорная» женщина, сама не была вовсе похожа на ревнивую Штейн. Хитрово покорно приняла брак Пушкина, тогда как Штейн Гете, когда он ушел от нее, мстила, даже как писательница.

Ключ к дружбе между Пушкиным и Е. М. Хитрово, нежной с ее стороны и крепкой, несмотря на видимую иронию и даже отталкивание, с его стороны, дает, быть может, следующее тонкое психологическое замечание Сент-Бева, писателя, высокую оценку которого, как поэта, кстати сказать, Пушкин высказал именно в одном из писем к Е. М. Хитрово.

В беседе со своим секретарем, когда возник вопрос: возможна ли искренняя, крепкая, прочная друж-

ба между мужчиной и женщиной? — Сент-Бев заметил, что он верит в возможность такой дружбы, но лишь при одном условии: чтобы хоть на один, самый краткий, самый преходящий миг, в таких отношениях заговорила страсть, и слабейшая сторона отдалась другой. (Ср. A. I. Pons. *Sainte-Beuve et ses inconnues*. Paris, 1879, p. 183). В другом месте Сент-Бев такой миг называет «золотым гвоздем дружбы» (*clou d'or d'amitié*). (См. *Sainte-Beuve. Le clou d'or. Avec une préface de Jules Troubat*. Paris, 1921).

Конечно, часто бывают отношения, когда для дружбы между мужчиной и женщиной вовсе не нужен «золотой гвоздь» Сент-Бева. Но в нашем случае дело, думается мне, обстояло психологически именно так, как говорит Сент-Бев.

П. Б. СТРУВЕ

ДУХ И СЛОВО

Статьи о русской
и западно-европейской литературе

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève
75005 PARIS